

графий, которые отдал для оформления книги, ни самого издательства.

— Многие до сих пор чуть ли не наизусть помнят ваши сатирические рассказы «Чем открывается пиво?» и «Хочу харчо».

— Я уже не борюсь с недостатками, юношеский максимализм прошел. Кто-то сказал: «Пока ты жизнью недоволен, она и проходит».

— Да, но...

— Мне недавно рассказали замечательную притчу об относительности желаний и недо-

я сижу в этой жаре? Ведь в Париже, в кафе «Ротонда» настоящие писатели пьют вино и беседуют об искусстве». А в это время в кафе «Ротонда» сидит писатель Жан-Поль Сартр и думает: «Почему я здесь, в этом буржуазном Париже, когда сейчас в социалистической Москве творит настоящий писатель Андрей Платонов...». А в это время дворник Платонов бежит за разбитым стеклом мальчиком и думает: «Догоню — убью!».

ЛИЦО ЛЮБИМОЕ

— **С** кем вы дружите? — Мои давние друзья — Марк Захаров, Александр Ширвиндт, Андрей

Миронов, Эльдар Рязанов, Аркадий Хайт и Игорь Кваша. Дружба для меня — понятие рабочее. Хорошо, звоня друг другу, не только спрашивать «Как дела?», но и говорить о деле.

— Вы не могли бы рассказать немного о своей семье?

— С моей женой Любой мы познакомились в Кузьминках, где тогда оба жили. Прожили

лась. Меня потом спрашивали, не развелись ли мы. Нет, о разводе и речи не было, просто не у каждой жены характер Раисы Максимовны.

ЛИЦО НЕСВЕТСКОЕ

— **Ч** то вы делаете в свободное время, если оно бывает?

— Не бывает. У меня внутри все время идет процесс сочинительства. Свои пьесы я все знаю наизусть, потому что по многу раз проговариваю про себя монологи героев, выстраиваю их. А вообще — люблю рыбалку. Мы с Ширвиндтом — рыбаки, иногда ловим вместе.

— Свои «рыбные» места, конечно, не выдадите...

— Почему? У меня дача на Истре, там и ловлю. Ездил и в Астрахань, но вообще мне все равно, где ловить. Я рыбак сидячий, в отличие от ходячего, который все время ищет новые места.

— Какую самую большую рыбу вы поймали?

— Больше, чем разворот вашего журнала, во всяком случае.

— А уловом часто хвастаетесь?

— Хвастать не люблю. И хвастунов не люблю. А люблю вралей, которые придумывают жизнь, а потом оказывается, что это правда.

— Что такое для вас слава?

— У меня не слава, а популярность, которую приносит то же телевидение. Глупо говорить, что она неприятна, хотя приятного тоже мало. На улице часто подходят поговорить, а потом начинают давать советы: «Пос-

лушайте про мою жизнь, вот из чего комедия-то надо делать!». Иногда путают с Михаилом Шулфутинским, Юлием Гусманом и Михаилом Мишиным. И когда на меня пристально смотрят издали и чуть-чуть улыбаются, я начинаю гадать, о чем сейчас попросят: спеть, провести в Дом кино или передать привет Татьяне Догилевой. Одна женщина так прямо и спросила: «Ой, а вы правильно узнали?».

— Светские мероприятия вы посещаете?

— Со страхом. Придешь на театральную премьеру, телеоператоры видят в зале знакомое лицо — и снимают, а мне потом все говорят: «Куда ни помотришь — везде ты». «Светсуха» (светская жизнь. — Ж. С.) отнимает много времени. Кусок в горло не идет, когда представишь, как потом покажут жующих актеров и тебя. Стараюсь ходить пореже, отказываюсь от приглашений. Всякое появление на телевидении — дело рискованное, а с набитым ртом — просто опасное.

Беседу вела Жанна Сергеева

вольства обстоятельствами. Говорят, ее сочинили давно, в 50-е годы... «В зимней холодной Москве разбивший стекло мальчик убегает от разъяренного дворника. Он бежит и думает: «Почему я живу в этом холодном городе? Сидеть бы мне под пальмами на каком-нибудь тропическом острове!». А в это время на острове Куба писатель Хемингуэй сидит под пальмой и думает: «Почему

вместе двадцать пять лет, и об этом не жалели. Я долго думал, что подарить ей на серебряную свадьбу, и решил посвятить свою последнюю пьесу — о любви. Люба — редактор-кинематографист, работает на «Мосфильме» и по договору в киножурнале «Фитиль». Она очень скромный человек. Даже в документальном фильме «Тот самый Горин» не появи-

